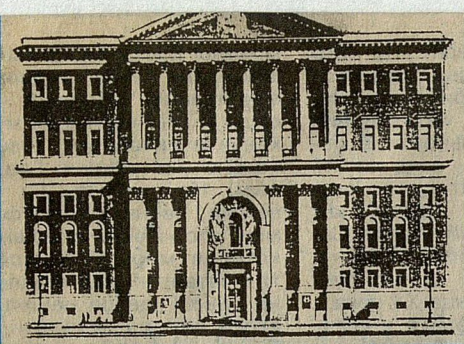

21 МАРТА - ДЕНЬ ПОЭЗИИ

... Ах, поэзия! Как завлекала, как манила ты в оттепельные шестидесятые! И физики, и само собой лирики, схлестывавшиеся в непримиримых спорах на тему «кто матери-истории более важен», сходились только в одном: поэзия нужна, Евтушенко, Вознесенский и Окуджава - это наше все, и т. д. и т. п. И толпы любителей поэзии на площади Маяковского, и битком набитые залы Политехнического, и мгновенно сметаемые с прилавков миллионные тиражи поэтических сборников, - все это было, было, было. Было - да прошло.

МОСКВА ГОВОРИТ СТИХАМИ

Новые песни придумала жизнь, так что не надо, ребята, о старом тужить. И все же, все же - жаль, что прошли те романтические времена, когда поэты в широченных пиджаках, коротеньких брючках-дудочках с выставленными на всеобщее обозрение алыми или ядовито-желтыми носками и в туфлях на «манной каше» действительно были властителями дум. А впрочем, кажется, любовь к поэзии - или мода на поэзию - возвращается в Россию. Свидетельством тому - Шестой Всемирный день поэзии в Москве, начавшийся в марте поэтическим вечером «Любовные метры» в литературном салоне на Самотеке.

Слава богу, мы дожили до времен, когда о поэзии не считают зазорным поговорить даже политики. Вспомним хотя бы Бориса Ельцина, проникновенно рассказывавшего о том, как берет он этак в два часа ночи томик Пушкина и... Или стихи того же Александра Сергеевича в исполнении руководителя Счетной палаты Степашина, а то и самого Виктора Степановича, за любовь к правильному русскому языку любовно прозванного в народе Черномырдыным. А уж как проникновенно звучит «Что такое хорошо и что такое плохо?» товарища Маяковского в супер-талантливом исполнении господина Жириновского - это же вообще пальчики оближешь!..

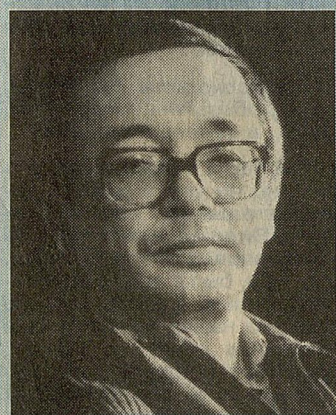
То есть политиков интересуют не только теннис, дзюдо и бюджет - политики любят и поэзию. И это хорошо.

А потому нет ничего удивительного в том, что координатор программы празднования Всемирного дня поэзии в Москве стал депутат Московской городской Думы, заместитель председателя думской Комиссии по культуре и, кстати, поэт Евгений Бунимович.

Несмотря на то что День поэзии отмечается 21 марта, - сказал Евгений Абрамович, - мероприятия, ему посвященные, начались 10 марта и будут идти весь март, а последние мероприятия пройдут в начале апреля. Все эти поэтические вечера - абсолютно добровольная акция, на их проведение не тратится ни копейки из московского бюджета. И хорошо, что День поэзии в Москве с каждым годом празднуется все шире. Правда, сейчас это в основном будут поэтические вечера в клубах, литературных салонах, таких как сеть клубов-кафе «Пирог», клубов «Bilingua» и книжного магазина «Букбери». Сейчас не время стадионов, а время общения поэтов со слушателями на уровне вытянутой руки, а потому поэтические встречи в марте и будут проходить не на больших площадках, а именно в литературных салонах, кафе и клубах...

(Окончание на стр. 3)

МОСКОВСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

Нет человека в нашей стране, которому бы не были знакомы и близки песни знаменитых героев экрана - Бумбараша, Остапа Бендера, Волшебника из «Обыкновенного чуда»... В то же самое время имя автора этих блистающих остроумием, поразительных по глубине песенных

строк долгое время было практически неизвестно широкой зрительской аудитории. О том, как такое могло случиться, нам рассказывает замечательный российский поэт, исполнитель собственных песен Юлий КИМ...

ПАРУС НАДЕЖДЫ

- Юлий Черсанович! Как вы, наверное, догадались, лейтмотивом нашей беседы будут чудеса, случавшиеся в нашей жизни. Разве, к примеру, не чудо, что вы окончили тот самый Московский педагогический институт, где с вами в одно и то же время учились такие будущие звезды авторской песенной поэзии, как Юрий Визбор, Ада Якушева, Юрий Ряшенцев, Борис Вахнюк, Вадим Егоров?

- Ну, во-первых, когда я поступил на первый курс, звезда Юрия Визбора еще только восходила в масштабах нашего вуза. Гораздо более популярны были тогда в Москве песни студентов МГУ

Дмитрия Сухарева и Шангина-Березовского. Но затем действительно центр авторской песни переместился к нам - уж больно певучей оказалась наша альма-матер! Хотя, честно говоря, в то время пело поголовно все московское студенчество - и Медицинский институт, и Авиационный... Всюду были свои барды. Но зато когда, помню, в 1983 году в ДК Горбунова состоялся уникальный по составу концерт бардовской песни, где были представлены авторы только из нашего вуза (исполнявшие по две-три песни), то концерт этот растянулся на три с лишним часа - к ужасу тамошнего начальства.

(Окончание на стр. 2)

Завтра закрывается весенняя ярмарка меда, проводимая Союзом пчеловодов России. Тем, кто не успел запастись природным лекарством, стоит поторопиться в ЛФК ЦСКА. Высококачественный и проверенный специалистами мед со всей России пчеловоды смогут привезти в Москву уже только в августе.

Удивительное все-таки место ярмарка меда. Русская поговорка «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» как нельзя кстати подходит к пчеловодам, которые здесь продают свое настоящее богатство. Пчелы, как известно, необыкновенно трудолюбивые и общественные существа. Единственное их отличие от их владельцев - последние необычайно приветливы и доброжелательны ко всем посетителям. Убеждаюсь я в этом каждый раз, когда попадаю в это, не побоюсь этого слова, волшебное место. Нет настроения - вас тут же разговоят и обязательно предложат съесть ложечку чудесного, пахучего меда. Поистине здесь царит положительная энергетика - убедитесь сами. Да уйти отсюда без нескольких видов меда никак не получится, так он привлекателен и вкусен.

Здесь весь товар - лицом. А поскольку и страна у нас большая и разная, то и каждый вид меда также имеет свои особенности. На ярмарке представлено 52 региона России.

Мед с Вятки - самый северный на ярмарке. Ульи Якова Лопатина находятся практически на границе с Коми. Палатку хозяева украсили необычно и с любовью к своему краю. «Мужик с медом и лапоть съел» - гласит вывеска на палатке. Сверху на вас глядят настоящая морда убитого «на днях» медведя и две яркие тушки глухарей. Мимо таких пчеловодов точно не получишь пройти. Радужные хозяева тут же предлагают попробовать уникальный «таежный» вид, а

также «малину-кипрей» и «чернику с брусникой». Это сладкое лакомство чуть дешевле дальневосточного - по 230 - 250 рублей за килограмм. Осетия удивляет всех посетителей другим необычным медом - «молочаем». Этот вид действительно можно редко встретить на ярмарке. Дело в том, что растение цветет один раз в три года. В его состав входит йод. «Молочай» бодрит,

поднимает гемоглобин, улучшает пищеварение и даже лечит онкологические болезни. Для терапевтического действия и лечения достаточно принимать по одной чайной ложке этого меда в день. Уникальность и таинственность этого вида налицо - специалистам не до конца известно его лечебное действие.

А вот пчеловоды из национального заповедника Галичья

Гора, расположенного в Центральном Черноземье, советуют попробовать и купить свое фирменное целебное вещество - «шалфей с пустырником». Этот вид обладает бактерицидным и успокаивающим действием, а также лечит желудок и ангину. Тамбовцы не отстают от своих соседей в гостеприимстве и лечебных свойствах своего янтарного снадобья. Они прямо заявля-

РЕПОРТАЖ

ШИРОКА СТРАНА МОЯ МЕДОВАЯ

(Окончание. Начало на стр. 1)

- А разве, скажите, не чудо, что Булат Окуджава тоже выпускник педагогического вуза (правда, тбилисского)? Чем, интересно, можно объяснить, что среди знаменитых бардов так велик процент людей учительской профессии? А вы, кстати, работали по специальности?

- А как же! Я отдал учительству почти девять лет жизни, очень любил свое дело, и, как я считаю, у меня это неплохо получалось. Работал на Камчатке и в Москве, преподавал русский язык, литературу, историю и обществоведение. Думаю, что мог бы работать гораздо дольше, но...

- Видимо, вас подозревали в диссидентстве?

- Не только в этом дело. Уже тогда мне становилось все труднее разрываться между школой и сочинением песен для кино и театра. И честно признаюсь, экран и сцена привлекали меня все больше и больше. Так что в конце концов я и ушел на вольные хлеба. Что же касается диссидентского движения, то мое участие в нем было хоть и кратким, но достаточно активным.

- И что же вам советовали на Лубянке?

- Мне там вежливо сказали, что отныне быть учителем я уже не имею права, так как я - отпетый антисоветчик, а школа - это идеологический фронт. Затем мне посоветовали никогда больше не выступать на сцене с гитарой. Но в то же время утешили тем, что не собираются чинить мне никаких препятствий в моей экранно-театральной деятельности, чему я был несказанно рад. Правда, пришлось взять себе литературный псевдоним. Антисоветчик Юлий Ким, естественно, никак не мог фигурировать в титрах, идеологически выдержанных советских фильмов под своим собственным именем! Так на свет и появился некто «Ю. Михайлов», ставший автором стихов для песен к фильмам «Бумбараш», «Обыкновенное чудо», «12 стульев» в постановке Марка Захарова и множества других, включая мои многочисленные театральные работы...

- Вам это, видимо, было обидно?

- По правде говоря, не очень. Образованная публика не только в Москве, но и во всех других городах Союза конечно же прекрасно знала, чьи это песни.

- Юлий Черсанович, дело, как говорится, прошлое... Но в чем все-таки заключалось ваше преступление перед советской властью? Вы участвовали в скандально знаменитом аксеновском «Метрополе»? Сотрудничали с Синяевским? Расклеивали листовки? Сочиняли крамольные песни?

- Ну если говорить о тогдашних «крамольных бардах», то на первом месте, безусловно, стоит Александр Галич, а на втором, если иметь в виду тексты откровенно антисоветского содержания, пожалуй, я. Дело в том, что песни, которые сочиняли Окуджава и Высоцкий, были весьма вольнолюбивыми по духу, но в них не было прямого указания на власти предержащие. А вот почти все песни Галича (как, впрочем, и некоторые мои) вполне тянули на статью. Ибо героями этих песен были все наши тогдашние реалии - обкомы, парткомы, профкомы, партноменклатура, стукачи...

- Из этой серии, видимо, и ваша легендарная «Отчаянная песнь преподавателя обществоведения»? Напомните из нее, если можно, несколько строк.

- Ну что ж, пожалуйста:

А меня учатие все замучили.
Не жалея сил молодых,
Задают вопросыки -
острые, гжучие,
А я все сажуся на них.

Я им говорю: дескать,
так-то и так-то, мол,
А если не так - значит ложь.
А они кричат: «А где
факты, мол, факты, мол?»
Аргументы вынь да положь!»

И хоть я совсем человек
не воинственный,
Все же погожу, погляжу,
А потом возьму аргумент
свой единственный,
Выну - и на них положу!

Выберу я ночку глухую,
осеннюю,
Уж давно я все рассчитал.
Лягу я под шкаф -
чтоб при слабом движении
На меня упал «Капитал»...
все четыре тома!

Впрочем, такого рода песенки советская власть мне бы еще как-то простила. Но то, что я занимался тогда активным составлением, распространением и подписанием различного рода «Всемирных обращений» по поводу возрождения сталинизма и преступлений правящего режима - это действительно подпадало под антисоветскую статью.

- Неужели вам не было страшно?

- Как сказать... Ведь диссиденты - это в большинстве своем идеалисты, верившие в то, что должны же быть в окружении Брежнева хоть какие-то разумные, позитивные силы! Мы, несмотря ни на что, надеялись, что положение в стране в конце концов изменится, если все дружно, так сказать, возьмут и поднап-

- Да, но не так хорошо, как хотелось бы. Что я могу о нем сказать? Только то, что Галич останется на века в истории нашей культуры как один из главных классиков нашего жанра. Существует такой жанр, как «Песня Галича» (такой же, как «Песня Окуджавы» или «Песня Высоцкого»). И этим все сказано. У него, естественно, были подражатели, у меня самого есть несколько упреждений в русле его жанра. Да и как иначе, он ведь очень «заразителен»! Думаю, что и у Высоцкого есть кое-что, перекликающееся с Галичем... Естественно, Высоцкий, даже если он и пел о том же, что и Галич, делал это по-своему. Уж если он пел о свободе, то делал это с таким мощным отчаянием, что его песни пробирали все без исключения слои нашего общества. Мы с ним не были особенно близко знакомы, но питали взаимную симпатию.

- А кто входил в ваш ближний круг?

- Ближе других я знал Булата Окуджаву и Давида Самойлова. Самойлов жил в Эстонии, в городе Пярну, где я провел три лета подряд. Я часто бывал у него в гостях, мы с ним

среди которых идет напряженная борьба за зрителя, за сценическую площадку, за первое место в каком-нибудь очередном хит-параде... А вот у нас такого нет! Во-вторых, барды ведь в большинстве своем не живут исключительно песнями. Так, скажем, Александр Городницкий - известный ученый-океанолог, академик, Дмитрий Сухарев - выдающийся биолог; Виктор Берковский - доктор наук. Сергей Никитин теперь, правда, целиком посвятил себя музыке, но большую часть своей жизни он отдал физике. Высоцкий - актер, Окуджава - известный русский писатель... Поэтому песенная эстрада никогда не служила для них тем единственным источником средств к существованию, каковым она является для нынешних шоуменов...

- Продолжая тему великих современников, не могу не назвать среди них имя вашего однофамильца - писателя Анатолия Кима.

- О, Анатолий Андреевич... Мы, кстати, с ним сейчас почти соседи, оба живем в районе Красной Пресни. Он довольно много ездит по свету, то в Корею, то еще куда-то. Это прекрас-

было за пятьдесят. Но зато теперь, надеюсь, продлится уже до конца моих дней... Ну и, наконец, в завершение темы национальности в искусстве. Думаю, вряд ли кто станет возражать, если скажу, что такие поэты, как Иосиф Бродский, Давид Самойлов и Борис Слуцкий, венчают собой Олимп русской поэзии конца XX века.

- Но вернемся к личности Булата Окуджавы, который, кажется, не являлся таким уж откровенным диссидентом. Он ведь, напротив, как бы призывал к терпению: «Возьмемся за руки, друзья...» Не было ли это призывом к примирению и всепрощению?

- Нет, Булат (я знаю это точно) никогда не шел ни на какие сделки с властью. Наоборот, в последние годы скорее сама власть к нему подлизывалась, дабы продемонстрировать свой якобы либерализм. Но он был, как всегда, самодостаточным и пел все, что хотел. Это его и делает, кстати, антисоветчиком в том смысле, что он был независим внутренне, чего власть очень не любит! Булат был замечательным другом и собеседником, но тем не менее

монолог Волшебника был задуман как некое колдовское заклинание, камлание - отсюда и его чарующая музыкальная интонация, блистательно найденная Гладковым. Но лучшая, на мой взгляд, песня в этом фильме - это «Песня прощания», которая мной писалась на три четверти (как в вальсе), но Гена Гладков нашел для этого четыре четверти, которые подошли здесь гораздо лучше. Это ведь не что иное, как прощание с жизнью, но решенное в мажоре, что потрясает в гладковской музыке более всего! Кстати, некоторые заулыбайся православные молитвы звучат в светлой, мажорной тональности. В моих стихах это выражено так:

Давайте негромко,
давайте вполголоса,
Давайте простимся светло.
Неделя-другая,
и мы успокоимся.
Что было, то было,
прошло.

- А как вам посчастливилось совместно с композитором Дашкевичем создать для «Бумбараша» поистине народную песню «Ходят кони над рекою»?

- Эта песня была, кстати, создана по просьбе актера Юрия Смирнова, исполнявшего в фильме роль бандита Гаврилы. Юра хотел, чтобы его бандит был хоть в какой-то мере симпатичен зрителю, и для этого ему нужна была хорошая лирическая песня. Думаю, у нас с Дашкевичем получилась достаточно удачная стилизация народной песни - назовем это так.

- Что любопытно, у Высоцкого есть «Кони привередливые», у Юлия Кима - «Кони хотят пить». А уж какие кони красуются в фильмах Тарковского, и говорить нечего!

- Тогда почему бы не вспомнить еще и блоковую «степную кобылицу» и советскую «Тачанку-ростовчанку»? Поэзия, как известно, питается из одних и тех же народных корней.

- Но ведь поэт, как правило, творит не по заказу, по вдохновению. Это потом уже: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

- Вы, видимо, имеете в виду, как я пишу? Ну для меня это прежде всего работа. Никакой мистики тут нет. Я скорее принадлежу к тем авторам, которые работают по заказу, по предложению, исходящему от театра или кино. Так, скажем, недавно я по просьбе Театра имени Маяковского сочинил для них детскую пьесу о Красной шапочке с музыкой Геннадия Гладкова. Сейчас пробую себя в оперном либретто по «Ревизору», будем работать с композитором Владимиром Дашкевичем. Есть несколько собственных замыслов пьес для театра. Хочу также продолжить свои упражнения в прозе плюс к уже имеющейся книге «Однажды Михайлов». Хочется также найти время для сочинения песен - просто так, для души... Так что заняться есть чем и скучать не приходится.

- Юлий Черсанович, как же так получается? Ведь в свое время страна во все горло распевала вашу знаменитую песенку Красной шапочки из фильма-сказки на музыку Алексея Рыбникова:

А-ах, крокодилы, бегемоты,
А-ах, обезьяны, кашалоты,
А-ах, и зеленый попугай!

И вдруг теперь та же история, но уже с другим замечательным композитором. Видимо, эта сказочная тема впрямь неисчерпаема.

- Да, был в свое время такой фильм, в котором была парочка наших с Рыбниковым песенных хитов. Но на этот раз театр предложил мне несколько иной сюжет: Красная шапочка идет к своей бабушке, но по дороге встречается с героями других сказок - с Бармалеем, Айболитом, Бабой-ягой, Снежной королевой и с другими. Одним словом, приключения продолжаются!

- Тогда позвольте завершить эту беседу с последним романтиком нашего времени Юлием Ки-

ПАРУС НАДЕЖДЫ

Тверская, 13 - 2005 - 19 марта - ст. 2

руг на власть. И, между прочим, наши усилия оказались далеко не напрасными, ибо власть время от времени делала послабления. Как известно, до большой крови дело тогда все-таки не дошло. Хотя аресты, безусловно, были.

- И все-таки.

- Боялся я ареста или нет? Естественно, боялся. Кроме того, понимал, что совмещать активную диссидентскую деятельность с работой в кино и театре невозможно. Надо было выбирать что-то одно. И я это сделал.

- И, на мой взгляд, совершенно правильно. Иначе (страшно подумывать) мы бы наверняка лишились такого Бумбараша и такого Остапа Бендера! А как бы, скажем, выглядело захаровское «Обыкновенное чудо» без гениальной поэтической строки: «Нелепо, смешно, безрассудно, безумно - волшебное»?

- Ну, не мне об этом судить. Во всяком случае с тех самых пор я занимаюсь исключительно творческой деятельностью.

- Что в свою очередь подразумевает и определенный круг общения. Я имею в виду тех интересных, замечательных художников, с которыми свела вас жизнь. Вот вы сказали, что знали Александра Галича...

прогуливались, он читал свои новые стихи. От всего этого во мне остались самые теплые воспоминания. Кстати сказать, первую свою литературную премию я получил не за стихи, а именно за очерк «Воспоминания о Давиде».

- То есть поэт написал о поэте... Скажите, а как вы относитесь к теме соперничества, творческой ревности? Вам приходилось с этим сталкиваться?

- Насколько мне известно, в среде бардов это явление отсутствует напрочь! Никакой взаимной ревности, соперничества и конкуренции! Я в этом убедился еще раз, когда мы с небольшой компанией друзей проехали по США и по Израилю с концертами в честь 80-летия Булата Окуджавы. С нами были Вероника Долина, Марк Розовский, Сергей Никитин... Так вот, между всеми нами никогда в жизни не было и тени соперничества, ревности и зависти.

- И чем же это объяснить?

- Думаю, во-первых, тем особым духом дружбы, дружелюбия, который всегда царил и царит в нашем тесном бардовском кругу. Именно этим мы, собственно, и отличаемся от деятелей современного шоу-бизнеса,

новый русский писатель, переведенный на многие языки мира. Мы с ним давно знакомы и, конечно, встретимся не раз и не два. У нас с ним есть о чем поговорить. Может быть, в том числе и о своих корнях... Что касается меня, то я кореец лишь наполовину. Мой папа был кореец, мама - русская. Но папу расстреляли, когда мне было всего полтора года.

- Стало быть, ваш протест против советской власти имел причины не только общественно-политического, но и сугубо личного характера...

- Так вот, когда папы не стало, нас с мамой и моей сестрой взяла к себе наша русская родня с маминой стороны.

- А как звали ваших родителей?

- Папу звали Ким Чер Сан, маму - Нина Валентиновна Всеявятская. Что касается фамилии Ким, то Кимов в Корею, как в России Ивановых. Но там все Кимы делятся, насколько мне известно, на восемь основных кланов. К какому клану лично я принадлежу, я, правда, еще не выяснял.

- А сами вы бывали на своей исторической родине в Стране утренней свежести?

- Нет, в Корею я еще не был. Меня пару раз туда приглашали, но это не совпадало с моим расписанием. Что касается так называемого голоса крови, то об этом я тоже, к сожалению, ничего сказать не могу, ибо со своей корейской родней познакомился очень поздно, когда был посмертно реабилитирован мой отец. Мне тогда было уже двадцать лет. Правда, эта наша связь была достаточно недолгой, и возобновилась она, когда мне уже

вел достаточно замкнутый образ жизни. Хотя, надо признать, у каждого талантливого человека есть основания сторониться шумного общения, избегать толпы. У Булата же это было еще и свойством характера.

- Вы, кстати, затронули очень важную тему: «Поэт и толпа». Как это отражается на вашем личном опыте? Как можно, живя в океане пошлости, безвкусицы и невежества, находить в себе силы сочинять такие умные, тонкие, изящные стихи, когда толпе достаточно для полного счастья какой-нибудь «джаги-джаги» или каких-нибудь «муси-пуси»?

- Я считаю, что не нужно излишне драматизировать нашу нынешнюю культурную ситуацию. Эта ситуация имеет место во все времена, у всех народов. Есть ширпотреб для толпы, есть элитарное искусство, но есть и нечто, находящееся, так сказать, посередине между ними. В свое время Дашкевич с Гладковым даже придумали для этого название: «Третье направление». Это такой особый жанр, где могут сочетаться высокая музыкальная культура с эстрадной демократичностью - своего рода «интеллектуальная эстрада». К ней относятся, к примеру, весь Александр Вертинский, вся Елена Камбурова. К этой эстраде принадлежит весь французский шансон. Сюда же, скажем, можно отнести и популярную, но очень грамотную, высокохудожественную музыку для кино и театра, такую, как музыка Таривердиева, Канчели, Гладкова, Рыбникова.

- А как, кстати, вы работали с тем же Геннадием Гладковым над «Обыкновенным чудом»? Что было первичным - стихи или музыка?

- Там все стихи были написаны до музыки. Кстати,

мом словами одного из его самых обаятельных героев:

Пусть бесится
ветер жестокий
В тумане житейских морей,
Белеет мой парус,
такой одинокий,
На фоне стальных кораблей.

Дай бог, чтобы ваш белый парус еще долгое-долгое время вселял в нас надежду на лучшее...

БЕСЕДУ ВЕЛ
Владислав ЧЕБОДАПЕВ

